



*Soda
Press*

JENNIFER IACOPELLI

BREAK
THE FALL

ДЖЕННИФЕР ЯКОПЕЛЛИ

Сущности

Быстрее. Выше. Честнее.

Перевела с английского

Хильда Брун

SODA PRESS

Москва, 2026

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44
Я47

BREAK THE FALL
by Jennifer Iacopelli

Все права защищены, включая право на полное
или частичное воспроизведение в любой форме.

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и события
либо являются плодом авторского воображения, либо используются
вымышленно, и любое сходство с реальными людьми, живыми или
мертвыми, деловыми учреждениями, событиями или местами случайно.

Якопелли, Дженнифер.
Я47 Гимнастки : [роман] / Дженнифер Якопелли ; пер. с англ. Х. Брун. — Мос-
сква : Soda Press ; Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-232311-9

Одри было три года, когда мама в первый раз привела ее на тренировку по спортивной гимнастике. В шестнадцать травма позвоночника едва не поставила крест на ее карьере. Сейчас Одри семнадцать. Впереди Олимпийские игры, первые и последние в ее жизни, потому что врачи ясно дали понять: со спортом придется попрощаться.

Но оказывается, что попасть в одну из сильнейших команд мира недостаточно. Недостаточно терпеть боль, снова и снова демонстрируя на снарядах высочайшее мастерство. Сборную потрясает ужасная новость: главного тренера, человека, которому они доверяли больше всего, обвиняют в насилии над подопечной. Одри намерена защитить сокомандницу, но не все гимнастки на ее стороне.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

© Хильда Брун, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026
Soda Press
Copyright © 2020 by Jennifer Iacopelli
Jacket images © Shutterstock

ISBN 978-5-04-232311-9

Всем девочкам, которые были и будут

Глава 1

Мучительная боль пронзает позвоночник, обжигает бедра и спускается дальше. Я стискиваю зубы и сжимаю кулаки. Коротко остриженные ногти впиваются в ладони.

Да ладно, Одри, ничего страшного. Просто потерпи.

Я бью себя кулаками по икрам, чтобы отвлечься от боли, пока сижу на полу в шпагате и жду своей очереди.

Трибуны забиты под завязку, но на арене тихо, и к потолку возносится только ритмичный скрип разновысоких брусьев. Уже два дня мы одна за другой выходим к столу для опорного прыжка, к бревну, к брусьям, к коврику для вольных упражнений и выполняем свои комбинации, а публика смотрит затаив дыхание.

Я тоже стараюсь не дышать. Когда я дышу, боль становится слишком сильной, а я не могу допустить, чтобы кто-нибудь заметил, как у меня болит спина.

Особенно он.

Тренер Гибсон — мы в сборной США по гимнастике зовем его Гибби — расхаживает между помостами, зорко высматривая любой признак слабости. Он везде, его холодный

аналитический взгляд подмечает каждую заминку, каждую помарку, высвечивая недостатки.

Он стоит слева от меня в мягком красно-бело-синем спортивном костюме, скрестив руки на груди.

— Как спина, Одри? — спрашивает он.

— Отлично. Готова ко всему.

Он поднимает брови и недоверчиво хмыкает, не отрывая взгляда от моей сокомандницы и лучшей подруги Эммы Садовски, которая раскачивается на брусьях.

Гибби может пялиться сколько угодно. Эмма не облажается. Он это знает, хотя и притворяется, что его не совсем устраивают ее стойки на руках и перелеты. Она — само совершенство.

Но стоит мне хотя бы поморщиться — и он расценит это как признание, что мне слишком больно и я не могу продолжать.

Эмма — великая гимнастка, но даже в свой лучший день она не может превзойти меня на брусьях. Конечно, это пустяки, если вспомнить, что она на две головы выше меня во всем остальном. Мы тренируемся бок о бок с трех лет, когда наши матери записали нас на совместные занятия для мам и детей. Теперь, спустя четырнадцать лет, мы отбираемся в олимпийскую сборную.

Эмму точно возьмут. В прошлом году она выиграла чемпионат страны и личное многоборье на чемпионате мира, и теперь все букмекеры уверены, что в Токио она возьмет несколько золотых медалей. Эмма добилась всего, о чем мы мечтали в детстве, и олимпийское золото для нее лишь вопрос времени.

А для меня попасть в сборную будет чудом. Боль не имеет значения. Почти. Спина болит всегда, кроме тех блаженных дней, когда мне колют кортизон. Врачи говорили, что мне

следует уйти из спорта, но я сказала, куда они могут засунуть свое мнение. Потом извинилась, и мы нашли компромисс: я уйду после Олимпиады.

У меня осталось всего несколько недель в гимнастике. Или несколько минут, если я закрою комбинацию.

Сделав напоследок двойное сальто, Эмма четко спрыгивает на маты и встает как вкопанная. Когда ее тело выгибается дугой, мне кажется, что мой четвертый позвонок вздрагивает. А может, виной тому рев толпы, которая подбадривает свою золотую девочку.

Эмма приветствует судей и машет фанатам. Меня охватывает радость за подругу. По телу пробегает дрожь возбуждения. Боль отступает на второй план. Мой выход уже скоро. Тело и разум настроены на одну волну.

Можно подышать еще несколько минут, потому что метрах в двадцати от меня Челси Кэмерон, действующая олимпийская чемпионка в многоборье, собирается начать свою программу в вольных упражнениях. Ведется телетрансляция, и мы выступаем поочередно, чтобы болельщики дома ничего не пропустили.

— Отлично получилось, — говорю я, вставая, когда Эмма с фальшивой улыбкой спрыгивает на пол с помоста.

Я знаю ее достаточно давно, чтобы понимать, когда она улыбается неискренне.

— Знаю. — Она откидывает волосы назад, не сняв с рук покрытые магнием накладки. Кожа у нее белая, волосы рыжие, и на них остается полоса почти под цвет кожи. Я улыбаюсь. Обычно магнием пачкаются мои темные волосы, а не ее огненная грива. — Ты справишься, Ри.

— Я знаю.

Она улыбается, на этот раз по-настоящему, и я немного расслабляю плечи, хотя Гибби по-прежнему стоит рядом.

Может показаться, что он сосредоточен на Челси, которая кувыркается по ковру на другой стороне арены, но я уверена: он не забыл про меня.

Я делаю круговые взмахи руками и вытягиваю их над головой, пытаюсь притвориться, что не замечаю присутствия Гибби и думаю только о комбинации, которую собираюсь показать. Он сам бывший гимнаст, ненамного выше меня ростом, но кажется гигантом из-за того, как велика его власть в моем мире.

Гибби проводит рукой по густым каштановым волосам, седеющим на висках.

— Ну-ка, Одри, покажи, на что ты способна.

«А не то...» — добавляю я про себя.

Челси заканчивает последнюю акробатическую диагональ. Времена, когда она побеждала в многоборье, давно прошли, но ее имя до сих пор ассоциируется с олимпийским золотом и многомиллионными спонсорскими контрактами. И даже в двадцать лет она неимоверно крута в опорном прыжке и вольных упражнениях.

Я делаю глубокий вдох и выкидываю Челси из головы. Гибби хочет посмотреть, что я могу на брусьях, и я должна показать, что заслуживаю места в олимпийской сборной, что я достойна своей мечты.

Давай, Одри, одна комбинация — и ты летишь в Токио.

Толпа наконец успокоилась после выхода Челси, и комментатор объявляет:

— А теперь на брусьях Одри Ли из NYC Gymnastics!

При звуке моего имени сердце подпрыгивает, а кожа покрывается мурашками. Если это мой последний раз, я хочу запомнить каждую мелочь. Я смотрю в глаза своему тренеру Полине. Полина покрывает брусья магниезией именно так,

как мне нравится, — тонким слоем, без комков. Она коротко улыбается, и я отвечаю ей тем же.

Я хочу сказать о том, как я ей благодарна, как сильно я ее люблю, о том, что она, чем бы ни закончился отбор, навсегда останется для меня второй мамой. Но времени нет, и, пожалуй, я даже этому рада. Не хватало еще заплакать прямо сейчас.

Толпа гудит, но этот шум не может заглушить биение пульса у меня в ушах. У края помоста все еще горит красный свет, поэтому я осматриваю арену. Техника бликует, операторы подбираются к самым снарядам, тщетно пытаюсь не мешать, в воздухе висит меловая пыль, покрывая все ровным слоем.

Какая красота.

Судья в конце прохода дает зеленый свет. Можно начинать.

Я забываю обо всем. Поднимаю одну руку в знак приветствия, отведя другую в сторону, — эта манера появилась у меня в детстве, когда я была помешана на российских гимнастках. Затем поворачиваюсь лицом к цилиндрическим стеклопластиковым брусьям. Они — мой пропуск на Олимпиаду.

Наскакиваю на брусья и встаю в стойку на руках, ненадолго задерживаюсь, чтобы показать, что контролирую тело, не дожидаясь, пока кровь прильет к голове, а затем складываюсь пополам, выпрямляя ноги с оттянутыми носками и раздвигая их в виде буквы V. Когда выполняешь комбинацию на брусьях, особенно такую, как моя, почти нет времени отдышаться. Это одна из сложнейших комбинаций в мире. Каждый элемент связан с другим, словно ноты в плавной мелодии, которой вторят скрип брусьев и гудение стальных растяжек. Взлетев на верхнюю жердь, я отпускаю

ее и снова хватаюсь, спускаюсь на нижнюю, делаю мах вокруг нее и возвращаюсь на верхнюю.

Это не полет, но это ближе к полету, чем все, на что способен человек. Теперь гигантский мах вверх, пируэт и мах вниз, а затем вылет в сальто назад. Держась очень прямо, я делаю оборот вокруг своей оси, другой, третий — и приземляюсь, сделав крошечный, едва заметный шаг.

Конец.

Комбинация завершена. Я с облегчением выдыхаю. Потом хлопаю в ладоши — с накладок слетает облако меловой пыли — и приветствую судей. Возможно, в последний раз.

Когда я спрыгиваю с подиума, Эмма обнимает меня, прежде чем я успеваю выпрямиться. Затем я оказываюсь в объятиях Полины, которая знает меня лучше, чем даже мои родители. Через ее плечо я ловлю взгляд Гибби, но в нем нет никаких эмоций. Ни радости, ни удовлетворенности, только непроницаемая суровость. Он смотрит в сторону.

Я ведь выполнила его просьбу, разве нет?

Неужели этого недостаточно?

— Круто, — шепчет Эмма, когда тренер отпускает меня.

Отодвинувшись, я вижу в глазах Полины слезы. Она рада? Огорчена? Или и то, и то?

Я сжимаю руку Эммы.

— Я знала, что ты сможешь, — говорит она, отвечая крепким пожатием.

На этом я ломаюсь. Тяну ее за руку и прижимаю к себе. В уголках глаз собираются слезы.

— Я так тобой горжусь. Так горжусь нами обеими.

— Я тоже.

Ее голос дрожит, но она, шмыгнув носом, овладевает собой — это она тоже умеет лучше меня.

Мы отстраняемся друг от друга, и Полина обнимает нас за плечи. Затем мы вместе идем к углу арены, а комментатор объявляет последнюю участницу:

— А теперь в вольных упражнениях Даниэла Оливеро из гимнастического центра Сан-Матео!

Составитель расписания не зря отвел Дани последнее место в финальной ротации. Ее комбинация под музыку из «Величайшего шоумена» очень популярна у фанатов спортивной гимнастики, и она эффектно выглядит в вольных упражнениях — невероятно высокие кувырки, безумная трата энергии на протяжении всего выступления.

До прошлого года она находилась на периферии рейтинга лучших гимнасток, но сильно прибавила в последние месяцы перед Играми.

Раздается музыка, и зрители сразу вскакивают. Я смотрю на Эмму, а та подмигивает в ответ. Мы обе начинаем пританцовывать. Хореография у Дани просто потрясающая, мы не раз видели ее выступление на сборах Национального комитета по гимнастике.

Сьерра Монтгомери и Джейми Педерсон, две белые девушки из Оклахомы, которые всегда все делают вместе, смеются над нами, но песня захватывает и их, и вот они уже покачивают бедрами в такт.

Дани без помарок выполняет последнюю акробатическую диагональ, музыка стихает, и трибуны взрываются ревом одобрения. Теперь моя боль — лишь мимолетное ощущение, покальвание на задворках сознания. Все гимнастки, не сговариваясь, начинают обниматься.

Обняв Сьерру, а затем Джейми, я пытаюсь перевести дыхание, но в меня врзается Челси Кэмерон. Ростом она не выше пяти футов, но толчок почти сбивает меня с ног. Пышные каштановые локоны задевают мою влажную щеку.

Она плачет и, наверно, даже не видит, кого сжимает в объятиях. За все эти годы мы разговаривали раза два. Дани все еще обнимает своего тренера, но в конце концов Эмма стискивает ее медвежьей хваткой, насколько это возможно для девушки весом девяносто фунтов*, и тащит к остальным.

Уголки моих глаз щиплют горько-сладкие слезы. Невыносимо думать, что я сделала все возможное, чтобы доказать свое право на место в сборной, — и не знать, достаточно ли этого.

Почти против воли мой взгляд устремляется к табло. Я не хочу на него смотреть, но приходится. На нем высвечиваются суммарные результаты за оба дня соревнований, и, прежде чем Гибби определит мою судьбу, мне нужно узнать, какое место я заняла. Слез все больше, смотреть все труднее, но я четко различаю свое имя.

1. Эмма Садовски	118,2
2. Даниэла Оливеро	118,0
3. Сьерра Монтгомери	117,1
4. Джейми Педерсон	116,3
5. Одри Ли	115,4
6. Челси Кэмерон	110,5

Распределение мест соответствует моим ожиданиям, хотя я немного удивлена, насколько мал разрыв между Эммой и Дани. В олимпийской сборной четыре места, а я сейчас пятая, но решение Гибби важнее, чем оценки в многоборье. Я трезво смотрю на вещи: только его мнение имеет значение.

В хаосе я кое-как натягиваю черный спортивный костюм, такой же, как у Эммы. На спине блестящими серебристыми

* Примерно 41 кг. *Здесь и далее прим. перев.*

стразами вышит силуэт Нью-Йорка, а слева на груди — аббревиатура названия школы, NYC GYM. Наверно, выглядит безвкусно, но гимнастическая мода редко бывает изысканной. Я плачу навзрыд. Чем бы ни кончился отбор, форму своей школы я надеваю в последний раз. Дальше — либо форма сборной США, либо ничего.

Прекрати, Одри. Наслаждайся моментом.

Я пытаюсь взять пример с Эммы и подавить эмоции. Получается лишь отчасти. Но лучше уж так. Я забрасываю на плечо сумку, и одна из работниц — я смутно припоминаю, что это сотрудница Национального комитета по гимнастике, — жестами предлагает нам уйти с арены. Я иду к выходу следом за остальными девушками. Из двенадцати будут отобраны четыре плюс две запасные. Позади меня комментатор обращается к зрителям:

— Пока мы ждем решения отборочной комиссии, давайте все вместе поздравим серебряного и бронзового призера Олимпийских игр Джанет Дорси-Адамс, владелицу и главного тренера Академии гимнастики и танца Коронадо, с включением в Зал славы Национального комитета по гимнастике!

Луч прожектора подсвечивает Джанет, когда та поднимается на помост, где ее ждет статуэтка. Попасть в Зал славы очень круто. Возможно, через несколько лет я... От этих мыслей меня отвлекает голос Эммы, которая ушла по коридору дальше, чем я думала:

— Одри, пойдем!

Я поворачиваюсь, чтобы догнать ее, но вижу перед собой грудь человека, который намного выше меня. Я едва не врезаюсь носом в его грудные мышцы, но сильные руки легонько придерживают меня за плечи. Мы оба поспешно делаем шаг назад, и парень отпускает меня. Я поднимаю взгляд и удивленно ахаю. Я его знаю.